

Война

Вся наша жизнь, начиная с 1917 года, проходила под знаком войны. Культ войны то утихал, то разгорался под влиянием непрерывной партийной пропаганды и реальных событий.

Полусекретная война в Испании особенно обостряла военные настроения. ореолом романтики и героизма были окружены слухи о таинственных лётчиках и танкистах в коже и орденах. Героические подвиги пограничников и воинов дальневосточников подогревали воинственные настроения. О них распевали песни, трубили газеты, фильмы, митинги. Начиная с мая 1931 года, в течение всей учёбы в МАДИ*, огромное внимание уделялось ВВП (высшей вневоинской подготовке), а после этого чуть ли не ежегодным призывам на переподготовки.

Наконец разразилась бесславная финская, а затем победоносные трофейные компании в Бесарабии и Прибалтике. Было и страшно и сладко. Страшно от того, что все понимали: предстоит решающая «большая» война с массовым применением авиации и танков. Невиданная война! Сладко от того, что так долго о войне говорится, а жизнь из-за подготовки к ней ох как не сладка, возникает желание поскорей разрешить эту тяготию, тем более, что пропаганда убеждает: «ни пяди не отдадим», «врага разобьём на его территории» и одним махом. Ожидание войны превращается в сладостное ожидание увлекательного, недолгого приключения, после которого все проблемы нелёгкой жизни разрешатся сами собой и, что очень интересно и важно — откроется доступ в Западный мир.

22-го июня, в воскресенье, выдался хороший жаркий солнечный день. Муся с Жекой** были на даче в Манихино. Днём предстояла заключительная игра на кортах Клуба Русакова в Сокольниках (разыгрывалось первенство Москвы по теннису на уровне 3-х команд, я играл первой ракеткой за 3-ю команду Московского Динамо). В понедельник предстоял последний экзамен по Марксизму-Ленинизму в аспирантуре МАМИ***, поэтому я решил на свежую голову ещё раз просмотреть конспекты и литературу в Парткабинете, что был рядом с домом в Колпачном переулке. Там были очень хорошие условия для занятий. В бывшем Летнем саду была оборудована сплошь застекленная комната, выходящая в сад, где был «мой» письменный стол, в котором хранились мои конспекты и литература и не только по Марксизму-Ленинизму.

Заведовала кабинетом очень милая пожилая крестьянского типа женщина. Она была уже на месте, когда часов в 11 я появился в кабинете. Поздоровавшись и поговорив о том о сём, как всегда, ушёл в свой «сад», рассортировал литературу, начал штудировать конспекты и вдруг слышу крик заведующей. Кроме нас никого в кабинете больше не было. Я побежал к ней. Она стояла около чёрной тарелки радиотрансляции и взволнованным голосом сказала: «Война! сейчас будет говорить Молотов». Замерев, мы выслушали выступление. Женщина плакала, а я ликовал — наконец случилось то, чего ожидали годами. Завтра я не аспирант, а офицер действующей армии, из запаса — в дело. Ура! Впереди только победа, конец тяготию, безденежью, нудной

* Московский автомобильно-дорожный институт. — Здесь и далее примечания издателя.

** Мария Степановна Перепёлкина – жена и Евгения – дочь.

*** Московский автомеханический институт.

учебе, чертовому Марксизму-Ленинизму. Быстро собрал конспекты, Марфа Ивановна дала веревочку, перевязал и попросил сохранить до скорого возвращения.

Попричитав, в слезах, проводила меня до выхода и... навсегда. Помещения парткабинета были заперты МК Комсомола.

В одно мгновение война повернула мою жизнь и многих миллионов в иную, неведомую сторону. Это одно из главных её свойств.

В белых штанишках, белых парусиновых туфельках, начищенных зубным порошком, и летней безрукавке, молодой (27 лет), чернявенький с проседью офицерик запаса (младший лейтенант, командир танкового взвода) вышел на солнечную Покровку и задумался: куда идти? В Военном билете красный моблисток предписывает на следующий день, после объявления войны в 6⁰⁰ явиться на сборный пункт в Кунцевском районе по адресу. В его распоряжении около 17 часов. Первая мысль — ехать в Манихино за семьей. Сообразил, что можно разъехаться. Узнав о войне, Муся бросится в Москву. Решил ждать в Москве. Но где? Дома уже не может. Пошел наугад на Чистые пруды к Михайловым*. Дмитрий Антонович оказался дома, а Валя тоже на даче. И здесь нам не может. Всех в этот день потянуло на улицы. Пошли искать спиртное для проводов. Нигде уже нет, и только на Б. Дмитровке в крошечном магазинчике обнаружили шампанское. Взяли несколько бутылок на все карманные. А между тем разыгралась жара невероятная. В поту и мыле добрались до Чистых. Забрались в холодную ванную, голышами расположились посреди комнаты на ковре, упились допьяна шампанским и уснули. В таком виде нас застали жены, вернувшиеся с дачи. Продолжали весело допивать шампанское. Никакого горя и печали. Упал с плеч тяжкий груз, впереди приключения, освобождение от тягот житейских, светлые перспективы и только победы. Здесь же я дал обет — не бриться до Кёнигсберга. Был уверен, что буду только там в самое близкое время.

Кёнигсберг был городом моей мечты. Еще мальчишкой в школе я увлекался журналом «Die Woche», который регулярно покупал в киоске на углу Разгуляя. По рекламному объявлению выписал из Кёнигсберга проспект фирмы, торгующей готовым платьем. Прислали бланк заказ на костюмы, в котором, под потрясными фотографиями джентльменов в тех или иных костюмах, помещалась таблица всех нужных размеров фигуры заказчика, тип материи, цена и т. д. Все выглядело так красиво, заманчиво и просто в наше скудное время. Стоило лишь заполнить бланк, перевести нужное количество марок и костюмчик, неведомой красоты, самый заграничный, в кратчайший срок вам пришлют по почте! Вот так Кёнигсберг! Как не влюбиться. К тому же сплошная готика, порт, открытый всем странам и морям, красивые девицы, свет и реклама... И вот, война открывает прямой путь туда, куда без войны и мечтать нечего.

Итак, завтра в 6⁰⁰ начинается путь в Кёнигсберг! Все рады за меня и даже завидуют, допивая последнюю бутылку шампани. Однако на этом светлом пути в Кёнигсберг есть одно препятствие — броня, оформленная ЗИС-ом на старшего инженера-конструктора. Дело в том, что летом 1940 года я поссорился с главным инженером завода Н. А. Волковым из-за того, что он, после ухода с завода А. И. Лихачёва, стал всячески препятствовать нашей работе на автомобиле ЗИС-спорт**, попросту запретил испытания и развитие новых разработок. После нескольких объяснений, я решил перейти в очную аспирантуру из заочной (вечерней), начатой в заводском ВТУЗ-е при ЗИС-е.

И ушёл. Считалось, что броня должна была быть переведена отделом кадров ЗИС-а в ОК МАМИ.

* Они дружили всю жизнь.

** Об автомобиле ЗИС-спорт рассказано в других воспоминаниях Н. В. Пульманова : <https://imwerden.de/publ-1001.html>

Часов в 5 утра 23-его мы с Мусей, с которой были в фактическом разводе (с целью сокрытия родственных связей с дочерью врага народа), пришли в ОК МАМИ, где нас встретил рыдающий старик заведующий: «Дорогие мои мальчики, что я, старый дурак, натворил, я не успел перевести ваши брони с завода (нас было несколько аспирантов с ЗИС-а), вы не ходите на сборные пункты, я всё сделаю сегодня».

Вот счастье...

Побежали в ЗАГС, зарегистрировались для аттестата, и бегом в Геодезический институт на улице Казанова, где, как узнали, сборный пункт нашего района. Стал в одну из очередей.

Регистратор, узнав, что аспирант, не стал записывать, сказал, что на аспирантов нет ещё распоряжения. Стал в другую очередь, обманул как-то, записали, велели раздеться догола и всё было «в шляпе». Оформили в число комсостава 66 отд. танковой бригады, что была расположена в Литве, в городе Ионава (совсем рядом с Кёнигсбергом). Сбор к отправке 26-го июня на товарном дворе Рижского вокзала в 7⁰⁰. Сплошное виват! Одно плохо — долго ждать — почти целых трое суток.

В одну из ночей разбудила нас воздушная тревога, потом узнали, что это была учебная. Но было очень неприятно. Скрываемые глубоко опасения и страх — ведь можно и умереть на войне, стать калеккой, — ночью, при воплях сирен ощутили без прикрас. Еще острее эти чувства охватили душу, когда на товарной станции, перед погрузкой в эшелон, плачущие женщины остались за чертой строя, а мы, каждый в одиночку, среди сорока в вагоне, остались каждый «сам с собой», с мыслью — а вернусь ли, а увижу ли ещё когда-нибудь своих любимых, покинутых и, что ждёт их: бомбы, эвакуация, голодуха, скитания, нищета, изнурительный труд, болезни, да мало ли какие несчастья? А я один, один, один... О, всё же какие счастливые бывали дни и ночи и в той, довоенной жизни. А что будет на войне? Только ли Кёнигсберг? И каким он будет?

Итак, поехали по «зелёной улице». Более двух тысяч командиров запаса, одетых в самые дешевые поношенные вещицы, которые не жаль было выбросить при обмундировании в части по прибытии. В основном, летние ситцевые рубашонки, х. б. брючечки, стандартные скороходовские сандалии, или все те же парусиновые туфельки, чищенные зубным порошком.

У каждого был узелок с пропитанием. Ни кухни, ни продуктов, ни оружия в эшелоне не предусмотрено. Начальство предупредило — питание на сутки взять из дому, оно рассчитало, что по «зеленой улице» за сутки доедем до Ионавы. Действительно — гнали лихо, аж до Новоскольников. Проехав станцию, остановились среди песчаных холмов, поросших чудными соснами, перед вечером. Дорога одноколейная. Впереди, сколько можно видеть, сплошной эшелон из эшелонов — плотная очередь. Мы крайние. «Зелёная» кончилась.

Отошёл в сторону. Тишина, благодать, красота. И сказал себе — буду жив, после войны побываю здесь обязательно. И сбылось, только через много лет. Проездами побывал раньше, а обстоятельно — автотуристом с года и много, много раз.

Началось дрыганье со скоростями пешехода. В основном стоим, понемногу едем. Перед наступлением относительной темноты (белые ночи и здесь) пересекли границу Латвии, за Себежем. Стало тревожно. Начальство предупредило — возможны налеты авиации, парашютисты, диверсанты, обстрелы со стороны населения. В случае чего — из вагонов ни, ни, ни. Всем ложиться на пол, двери закрыть и помалкивать. Слава богу, ничего такого в этот раз не случилось. Всё началось утром 27-го. Однако тревожные чувства усиливали красные ракеты, направляемые в сторону эшелонов, время от времени вспыхивающие со стороны населённых пунктов. Иногда кто-то постреливал.

Постепенно впереди идущие эшелоны рассеивались. То ли оставались на станциях, то ли уходили в стороны от магистрали Москва—Рига. Ночью, вблизи Резекне, впереди нас уже не было ни одного эшелона. Да и встречных почти не стало. Остановились на станции, как-будто в нерешительности. Через небольшое время подошел без огней встречный эшелон.

Остановился. Выбежало несколько военных, тревожно зазвучала латышская речь в перемешку с русским матом. Искали начальника нашего эшелона. Это был старенький военкоматский майор небольшого росточка, толстенький. Я ведь от природы любопытный и любознательный, поэтому оказался рядом с прибывшими. Подбежал наш майорчик, машинист и ещё несколько любознательных. Высокий энергичный военный латыш обрушил на нашего майорчика каскад брани, смысл которой сводился к тому, что — какого чёрта мы прёмся к немцам в лапы, эшелон латышей последний, их задача, таких как мы дураков поворачивать назад. Что и было выполнено машинистом с радостью и быстро. Он побежал к паровозу, быстро перегнал его в хвост. Латыши уехали первыми, мы за ними. Приблизился рассвет. Мы подползли к станции Зилуппе. До неё оставалось несколько километров и с первыми лучами солнца вдоль нашего эшелона на бреющем прошли два мессера. Машинист завопил, что было мочи, воздушную тревогу — ТУ, ТУ, ТУ, ТУ и экстренно затормозил. Со второго захода мессеры обстреляли вагоны на уровне колёс. У одного, сцеплённого с нашим, разбили чугунную буксу. Мы все, как положено, валялись на полу, но один интеллигент нарушил приказ и со страху выскочил из вагона — дверь не успели тоже со страха закрыть. Поезд стоял на небольшой насыпи. Парень побежал по откосу в кювет, и в этот момент, на третьем заходе, мессер угодил ему пулей точно в темечко. На этом налет закончился. Оставалось отцепить и опрокинуть под откос поврежденный вагон, положить первый труп в вагон. Всё было сделано с небывалой скоростью и дружно, без криков, команд, молчком. Это было первое крещение. Быстренько двинулись дальше. Втиснулись на единственный свободный крайний левый путь станции Зилуппе. Рядом, справа стоял эшелон с кадровой частью, дальше эшелон с беженцами (женщины и дети — семьи военнослужащих), снова кадровый эшелон и так штук 6—8 вперемежку. В кадровых эшелонах были платформы с автомобилями, в том числе, с бензовозами, вагоны с боеприпасами, орудия, теплушки и т. д.

Осмотревшись, из любопытства, я успел сбегать на вокзал и за него, на площадь. Полюбовался добрыми латышскими конями, телегами и крепкими, добротнo одетыми, крестьянками — все в клетчатых платочках. Некоторые ехали на велосипедах. На ногах фильдеперсовые чулки, что делало их красивыми. Для нас это было видеть непривычно — за граница. Раздались сигналы воздушной тревоги. Крестьянки погна́ли коней и на велосипедах бросились прочь от станции, а я к своему вагону —

<на этом рукопись обрывается>